

УДК 82-1/-9

Д.О. Павлова*

КОНСПИРОЛОГИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА ПОВЕСТВОВАНИЯ

В статье рассматриваются базовые характеристики особой повествовательной формулы – конспирологического романа: фабула поиска и разоблачение теории заговора, субъектная наррация, остросюжетная композиция, полярная система персонажей, массмедийные образы и мотивы и т. д.

Ключевые слова: конспирологический роман, повествовательная формула, теория заговора, современная литература, конспирология.

Под конспирологией понимается такая интерпретация исторических событий, политических фактов и т. д., суть которой можно условно выразить так: «докопаться до правды, скрываемой от широкой общественности». Она строится на теории заговора – совокупности гипотез, пытающихся представить событие или процесс как результат сознательных действий тайной группы людей, направленных на управление теми или иными историческими процессами.

В образованных слоях населения к конспирологии относятся весьма скептически. В ней видят некий набор предрассудков, скопление фантастических гипотез и дешевых сенсаций. Однако конспирология в различных областях современной культуры возрождается с завидным постоянством. Даже само слово «конспирология» становится модным в СМИ, обнаруживается тенденция к его поощрению в массмедиа. Все чаще мы слышим о новых версиях причин различных катастроф (например «Конспирологические версии апокалипсиса в Японии») и альтернативного развития истории (например «Кто развалил Советский Союз?»). Центральное телевидение заполнили художественные и документальные фильмы о тайных обществах (будь то «жидомасоны» или инопланетяне), несколько завуалировано ведется пропаганда поляризации мира и противостояния некоторых законспирированных организаций (в том числе тех, которые хотят уничтожить Россию). А население зачитывается псевдодокументальными романами о тайнах сталинской эпохи (например книги А. Суворова) и т. д.

Конспирология, восходящая к позитивистским устремлениям докопаться до окончательной истины, оказывается опутанной иррациональными домыслами, выдвинутыми упрощенным массовым сознанием. И чем более нереальна теория, тем более правдоподобной она кажется. Человеку становится проще принять однозначные заблуждения, чем оставаться в неведении, неопределенности, не найти ответа на все более множасьщиеся вопросы. Такое положение дел может привести к потере населением здравого смысла и способности анализировать события в мире, что дает возможность правящим кругам скрывать свои истинные цели и с легкостью управлять массами.

Собираясь из журналистских сплетен и политических приемов манипуляции, конспирология выстраивает свой дискурс. Он базируется на некоторых общих принципах и транслируется в конспирологических текстах как особая повествовательная формула.

* © Павлова Д.О., 2013

Павлова Дарья Олеговна (dr88@bk.ru), кафедра русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Конвенции такой формулы еще не прописаны, хотя материал для исследования уже наличествует. Данной статьей мы предлагаем трансформировать ранее неконвенциональные разрозненные элементы конспирологического дискурса в конвенциональное понятие «конспирологическая повествовательная формула», которую мы условно будем называть «конспирологический роман»¹.

Он представляет собой повествование об обнаружении законспирированной организации и последующем ее разоблачении. Но в отличие от детективов, основным сюжетом которых является раскрытие тайны преступления, конспирологический роман выходит на мировой и даже бытийный уровень, раскрывая тайну движения истории или всего мироздания.

Конспирологическая формула, прежде всего, тяготеет к массовой литературе, однако используется и в инновационной. В качестве примера можно назвать такие произведения, как романы В. Пелевина «Священная книга оборотня», «Empire V», «S.N.U.F.F.», Д. Быкова «ЖД», З. Прилепина «Черная обезьяна», Б. Акунина «Азazel», О. Славниковой «2017», В. Сорокина «Трилогия» («Путь Бро», «Лед», «23000»), а также Ф. Достоевского «Бесы», У. Эко «Маятник Фуко», Д. Брауна «Код да Винчи» и т. д.²

Прежде чем обратиться непосредственно к характеристикам новой формулы в литературе, рассмотрим, как феномен конспирологии объясняется другими науками, т. к. данные междисциплинарные обращения помогут нам выявить особенности литературной формулы.

Начало исследования конспирологического дискурса положил американский политолог Ричард Хофстадтер, проанализировавший современные ему политические кампании с точки зрения содержания в них параноидального стиля, т. е. использования теории заговора в качестве аргументации несостоятельности оппонентов. Статья Хофстадтера «Параноидальный стиль в американской политике» 1965 года послужила толчком для дальнейшего обсуждения [3].

Историки, психологи, социологи пытаются понять, как распространяется конспирология и почему она становится столь популярной. В данном ключе ученые рассматривают конспирологическое мышление как параноидальный стиль (создание субъекта-врага из своего подозрения в момент необъяснимого происшествия) и как форму коллективного мифотворчества (использование полярных архетипов героя и темных сил, а также массмедийных стереотипов и слухов). В качестве материала для исследования используются речи политиков, а также массовая художественная и псевдонаучная литература. Ученые выявляют различия между реальными заговорами во всемир-

¹ Дж. Кавелти в своей монографии «Изучение повествовательных формул» уходит от традиционного понятия «жанр» касательно современной литературы и предлагает новый термин для обозначения формально-содержательных структур наррации: литературная формула – структура повествовательных или драматургических конвенций, использованных в очень большом числе произведений. Она представляет собой воплощение архетипических сюжетных форм, обусловленных конкретным культурным материалом. Дж. Кавелти предлагает 5 основополагающих повествовательных формул: приключение, любовная история, история о тайне, мелодрама, история о чужих существах и состояниях [1].

² Д. Быков и Ю. Ульянова в статье «Самобраунка» приводят следующие примеры конспирологических романов: «Бесы» Достоевского, романы Крестовского, «Ларец Марии Медичи» Е. Парнова, «Погляди в глаза чудовищ» М. Успенского и А. Лазарчука, «Код да Винчи» Дэна Брауна, «Маятник Фуко» Умберто Эко, романы А. Проханова, В. Белова, «Ночная охота», «Колодец пророков» Ю. Козлова, цикл «Пирания» А. Бушкова, «На будущий год – в Москве!», «Звезда Полюнь» В. Рыбакова, «Серая слизь», «Фактор фуры» А. Гарроса и А. Евдокимова, «ТИК» А. Евдокимова, романы М. Калашникова [2].

ной истории и гипотетическими теориями заговоров, классифицируя последние и отыскивая их истоки³.

Свою интерпретацию дают и философы: конспирология – это попытка вернуть субъектность безликому ходу истории. Речь идет о некотором субмедиальном субъекте, сконструированном сознанием подозрительного субъекта. Вера в существование некоторой скрывающейся персоны дает возможность сделать окружающий мир понятным, определенным и структурированным, что было потеряно в постмодернизме [4].

Тема конспирологии постепенно проникает и в труды по филологии. Одним из первых за нее взялся известный писатель Д. Быков. В совместной с Ю. Ульяновой статье «Самобраунка» он говорит о наступившей эре конспирологического романа и выделяет некоторые его черты: детективность, остросюжетность, наличие тайны, злодея-деятеля и злодея-лидера, непобедимость темных сил, непознаваемость тайны, наличие заговора против России [2].

Т. Амирян на примере романа Дэна Брауна «Код да Винчи» сравнивает конспирологический роман с волшебной сказкой, отмечая в нем присутствие двух базовых архетипов: героя (который обладает сверхзнанием) и цели (раскрытие тайны). Он же видит в популярности конспирологического детектива, насыщенного энциклопедической информацией, желание населения преодолеть постмодернизм [5].

Медиаинтеллектуал Г. Джемаль, анализируя роман А. Проханова «Красно-коричневый», усматривает в конспирологическом романе черты политического романтизма. Функцию героя он видит не столько в борьбе с законспирированной организацией, сколько в ее медиаразоблачении, при том что наказание приходит откуда-то свыше [6].

Опираясь на эти исследования, мы вывели некоторые конвенции конспирологического романа. Они касаются основных элементов поэтики художественного произведения, как формальных, так и содержательных, что позволяет нам говорить о новой формуле повествования – конспирологическом романе.

Фабула строится по модели конспирологического действия: чрезвычайное событие – подозрение – поиск истины / построение теорий – раскрытие / самораскрытие – разоблачение – новое подозрение. Сюжет романов завязывается на чрезвычайном событии, которое порождает загадку – кто виноват в случившемся. Это может быть, как пишет Б. Гройс, смерть, любовь или война⁴. Такое происшествие является моментом случайного или намеренного самообнаружения сокрытого, которое вторгается в жизнь обычных, непосвященных людей.

Например, в романе В. Пелевина «Generation “П”» чрезвычайным событием является изменение политической, а вместе с ним и идеологической ситуации в стране. Герой пытается понять, что происходит вокруг, вследствие чего рождается вопрос-подозрение: кто это сделал и кто теперь всем управляет. В процессе поиска истины он обращается к старым и новым знакомым, которые вкупе с наркотическими и религиозными галлюцинациями постепенно открывают герою новое понимание мира (сбор информации, раскрытие). Тайна раскрывается в конце, когда Вавилен Татарский доходит по карьерной лестнице до самых верхов – закрытого клуба «пчеловодов» (разоблачение). Но и это оказывается не пределом. Так и не узнав, кто же дает заказ, он

³ Здесь можно назвать следующих ученых, развивающих тему конспирологии в русской и зарубежной науке: Дэниэл Пайпс, Джоди Дин, Александр Дугин, Джон Энтин, Алексей Цветков, Игорь Яблоков и др.

⁴ Б. Гройс пишет: «Знаки военного, революционного, прямого и неумолимого насилия, а также знаки безумия, экстаза и безудержного эротического желания кажутся особенно откровенными, ведь они, по общему мнению, выявляют опасную и жестокую реальность, скрывающуюся за иллюзорным дружелюбием господствующего статус-кво» [4, с. 63].

разоблачает систему, став главным криэйтером в стране, захватив всю власть в свои руки. Однако даже такое положение не дает ему гарантии, что его также не свергнет кто-то, пока что сокрытый, когда придет время (новое подозрение) [7].

Наррация выстраивается по принципу движения взгляда подозревающего. Коснувшись конкретных людей, чрезвычайное событие порождает конспиролога, который подозревает за тайной наличие скрывающегося субъекта. Для подтверждения своего подозрения он собирает доказательства наличия заговора. Его подозрение движет действие всего романа.

В качестве примера можно также вспомнить роман В. Пелевина «Священная книга оборотня». В нем есть слова субъекта-издателя, который столкнулся с необычным событием (при странных обстоятельствах – вспышка света в парке – был найден ноутбук) и теперь выкладывает как документ найденный в этом ноутбуке текст. В диегесисе лисица, являясь героем и непосредственным участником событий, пытается также выступать в роли объективного наблюдателя, тем самым раскрывает перед предполагаемым читателем «оборотную» сторону устройства мира [8].

Помимо героя конспирологами являются также нарратор, представляющий роман как сборник обличительных фактов, и читатель, который познает историю, следуя за движением взгляда подозревающего. Зачастую расследования этих субъектных структур могут не совпадать. Например, когда нарратор, исследуя определенную тему, использует записки и дневники героев-конспирологов в качестве документов для подтверждения своих загадок.

На этом принципе строится роман В. Сорокина «Лед». В отдельных частях исследуется тайна Братства, но сам нарратор, собрав документы воедино, пытается разгадать загадку Тунгусского метеорита. Интересно, что читатель в итоге должен получить общее представление не столько об этих тайнах, сколько о феномене конспирологии вообще [9].

В субъектной организации конспирологического романа возможны две основные вариации: роман-разоблачение и роман-самораскрытие. В первом случае нарратор-конспиролог расследует дело о чрезвычайном событии, постепенно приращивая знания о законспирированной организации (как это можно заметить в указанном примере Сорокина). Во втором сам член организации рассказывает о своем пути через инициацию к вершинам скрытой системы. Например, роман Пелевина «Empire V» [10], где герой (диегетический нарратор) из обычного человека превращается в вампира и путем узнавания и разоблачения внутренних заговоров становится главным другом Иштар.

Композиция во многом связана с созданием остросюжетности, сохранением интриги и тайны до конца. Роман начинается с обнаружения тайны и развивается через постепенное приращение знания. Нарратор никогда раньше времени не раскрывает ту информацию, которую еще не получил герой.

В романе Д. Быкова «ЖД» изначальным знанием является знание о войне между двумя лагерями; в течение повествования нам через познание и расследование героев открывается тайна сущности этой войны. Нарратор дает нам ровно такое количество информации, каким обладают герои, на которых фокусируется внимание повествователя. Мы постоянно перемещаемся из одного лагеря в другой, до конца не зная, кому верить. Причем все связующие звенья разрозненных сюжетных линий открываются лишь в конце [11].

Дуполярная **система персонажей**: положительный герой-конспиролог (их может быть и несколько) и отрицательные законспирированные темные силы (могут быть как персонифицированными, так и не представленными конкретными героями силы). Конспирология поляризует мир на абсолютное добро и абсолютное зло. Положитель-

ный конспиролог ведет борьбу с темными силами посредством их разоблачения, те же, в свою очередь, пытаются переманить его на свою сторону.

В серии романов Сорокина «Трилогия» («Путь Бро», «Лед», «23000») осуществляется некая череда перехода положительных персонажей в лагерь темных сил. Заново выделившиеся герои попадают под власть некой секты, обладающей неоспоримыми преимуществами в этом мире. Сектанты с помощью сверхъестественных механизмов пробуждают в них чувство братства, при этом избавляясь от людей, не прошедших испытание ледяным молотом. В конце устанавливается яркое противоборство «отброшенных» людей (положительных персонажей, желающих восстановить справедливость и наказать сектантов) и представителей темных сил, которые, идя к своей антигуманистической цели, захватывают весь мир [12].

Образы, мотивы и детали всегда связаны с массмедийными метафорами и стереотипами теории заговора. Писатели как бы буквализируют фантастические гипотезы, транслируемые в массовой культуре.

Романы В. Пелевина «Священная книга оборотня» и «Empire V» выставляют в качестве властителей этого мира оборотней в погонах, качающих нефть из русской земли, и вампиров, сосущих кровь-деньги из потребительского общества. О. Славникова «раскрывает всю правду» об олигополии и «заговоре банкиров» [13]. В. Сорокин рассматривает миф о Тунгусском метеорите и бесчеловечных инопланетянах, захвативших власть в России. Д. Быков исследует вечный вопрос о евреях и варягах, которые вмешиваются в историю русского народа. З. Прилепин выдвигает гипотезу правительственного заговора по созданию непобедимой армии детей-убийц [14].

Еще одной чертой конспирологического романа является **двоемирие**. Изначально единый художественный мир благодаря тайне обнаруживает так называемую вторую реальность. Естественным финалом конспирологического действия является раскрытие всех тайн. В результате мы обнаруживаем некоторую реальность, которая есть «на самом деле». Темные силы создают свой идеальный мир, скрываясь от масс населения посредством конструирования для них некоей иллюзорной действительности. Конспиролог производит деконструкцию окружающего его ложного мира, докапываясь до истинного положения вещей и знакомства с альтернативной историей человечества. Интересно, что оба этих мира не находятся в разноуровневых пространствах, пересекающихся только в уме героя-поэта, как в романтизме. Двоемирие в конспирологическом романе локализуется в одной плоскости, грань между мирами только во взгляде конспиролога, в его интерпретации событий. Поэтому как идеал, так и враг достижимы в этой жизни, но до них нужно «докопаться», найти и разоблачить. Но открывающийся законспирированный мир оказывается несколько фантастичным и антигуманным.

Два мира сосуществуют в романе Пелевина «S.N.U.F.F.»: это нижний мир орков, где могут только догадываться об истинных причинах происходящих войн и политико-экономических неудач, и закрытый мир офшара, где богатая элита поклоняется Маниту и создает снафы [15].

В «Черной обезьяне» З. Прилепина представлены мир, который продуцирует в своей голове и видит как реальный сам герой-конспиролог (это мир успешного писателя с двумя детьми и любовницей, который борется с силами зла), и мир, который видят окружающие (никакого заговора нет, а журналист сошел с ума и видит то, чего нет).

Из двоемирия вытекает и создание **альтернативной истории человечества**. Конструируя новую реальность и при этом претендуя на предельную объективность и объяснимость, конспиролог должен встроить новую интерпретацию в целостную ис-

торию человечества. Ход событий остается прежним, но меняются причинно-следственные связи и субъекты истории.

Так, Сорокин в «Трилогии» объясняет коррупцию и большое количество смертей в Советском Союзе паразитизмом партийной системы, членов Братства Света, главной целью которых был поиск братьев. История, с точки зрения Д. Быкова в романе «ЖД», представляет собой вечную борьбу жидов и варяг, которым пытаются противостоять коренные жители русской земли путем хождения по кругу. Практически во всех представленных в данной статье романах Пелевина история базируется на потребительстве и выкачивании денег и энергии из непросвещенного населения какими-либо антигуманными существами: вампирами, оборотнями, криэйтерами, олигархами и т. д.

Базовой категорией конспирологии является **субъектность**. С одной стороны, только чье-либо субъективное конспирологическое сознание продуцирует подозрение, создает теорию заговора и ведет личную борьбу с «темными силами». С другой стороны, за безликим ходом истории подозревается некий материальный субъект, которому можно выдвинуть обвинения и с которым можно бороться. В литературе такая субъектность проявляется, прежде всего, в организующей роли нарратора. Именно он собирает документы-доказательства заговора и располагает их таким образом, чтобы вести читателя к постепенной разгадке тайны.

Стоит отметить, что, используя единые конвенции конспирологического стиля, каждый писатель выражает индивидуальную рефлексию над поднятой им проблемой. Пелевин рассуждает на тему массмедийной действительности и создания потребительского общества. Славникова раскрывает тайны социального и психологического устройства российского общества и отдельного человека в нем. Быков поднимает вопрос исторических межнациональных споров по поводу владения русскими землями. Сорокин в представленных романах рефлексировать как раз над конспирологическим дискурсом. Прилепину важен психологический эскапизм современного человека посредством конспирологии.

Таким образом, мы можем отметить, что формула конспирологического повествования оказывается довольно востребованной в современной литературе. Она дает авторам дополнительные возможности, такие как обретение субъектности (сюжет организуется взглядом подозревающего), крайняя поляризация персонажей и пространства, остросюжетность (чрезвычайное событие, желание разгадать загадку), новый способ игры с мирами (конструирование идеальных закрытых миров и поиск предельной реальности).

Библиографический список

1. Кавелти Дж. Изучение литературных формул / пер. с англ. Е.М. Лазаревой // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 33–64.
2. Быков Д., Ульянова Ю. Самобраунка // Огонек. 2008. № 17. С. 50–51.
3. Hofstadter R. The Paranoid Style in American Politics and other Essays. New York, 1965.
4. Гройс Б. Под подозрением: феноменология медиа / пер. с англ. А. Фоменко. М.: Художественный журнал, 2006. 200 с.
5. Амирян Т.Н. Роман Д. Брауна «Код да Винчи» как опыт популярного конспирологического детектива // Литература XX века: итоги и перспективы изучения: мат-лы Седьмых Андреевских чтений / под ред. Н.Т. Пасхарьян. М., 2009. С. 314–325.
6. Джемаль Г. Русская мистерия (конспирологический смысл романа Проханова) // Завтра. 1999. 7 декабря. № 49 (314). С. 8.

7. Пелевин В. Generation «П». М.: Эксмо, 2005. 352 с.
8. Пелевин В. Священная книга оборотня. М.: Эксмо, 2004. 384 с.
9. Сорокин В. Лед. М.: Ад Маргинем, 2002. 320 с.
10. Пелевин В. Empire V. М.: Эксмо, 2006. 416 с.
11. Быков Д. ЖД. М.: Вагриус, 2007. 688 с.
12. Сорокин В. Путь Бро; Лед; 23 000: трилогия. М.: Захаров, 2006. 688 с.
13. Славникова О. 2017. М.: Вагриус, 2007. 544 с.
14. Прилепин З. Черная обезьяна. М.: АСТ: Астрель, 2011. 285 с.
15. Пелевин В. S.N.U.F.F. М.: Эксмо, 2012. 480 с.

*D.O. Pavlova**

CONSPIROLOGICAL NARRATIVE FORMULA

Conspirology as interpretation of movement of history through the conspiracy theory becomes modern popular discourse. It is investigated by history, political science, psychology, philosophy and philology. In literature conspirology generates the special narrative formula – the conspiracy novel. The article deals with the basic characteristics of the formula: plot search and exposing of conspiracy theory, subjective narration, action composition, polar system of characters, images and motifs of mass-media, etc.

Key words: conspiracy novel, narrative formula, conspiracy theory, modern literature, conspirology.

* *Pavlova Darya Olegovna* (dp88@bk.ru), the Dept. of Russian and Foreign Literature, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.